

Вадим Ярмолинец

Моя гоголиана

Нос 2.0

Николай Васильевич Гоголь, как вы, наверное, слышали, очень боялся, что заснет летаргическим сном и его похоронят заживо. И действительно, когда гроб вскрыли, я даже не скажу по какому поводу, увидели, что Николай Васильевич лежит на боку. Так рассказывают.

Выходит, он лежал-лежал на спине, а потом повернулся на бок и продолжил спать мертвым сном? Другой бы, наверное, все перевернул в этом гробу. Порвал обивку, сломал ногти, перекусил вены, сжевал с голодухи цветы, а Николай Васильевич спокойно повернулся на бок и продолжил сопеть в свой длинный нос, пока не умер уже по-настоящему. Нет, я думаю, дело было не так. Скажем, когда гроб опускали в могилу, его могли наклонить, и тело внутри повернулось. Хотя как это его надо было наклонить, чтобы тело повернулось? Они там что, пьяные были, что ли? Нет, я не знаю. Тут явно какая-то тайна.

Поэтому я перехожу к случаю другого писателя – Виктора Матвеевича Мукоройцева. Почему, вы поймете позже. Значит, извините, конечно, за такие подробности, но начну с того, что Виктор Матвеевич любил изучать содержимое своего носа. Простите меня, но это – наиболее мягкая форма описания его любимого занятия из всех, какие я смог найти. И еще раз простите. Короче, позор – невероятный. Кому-то сказать – засмеют! И вот он как-то в беседе со своей женой Бертой Соломоновной вспомнил эту историю про Гоголя. В смысле про то, что его на боку нашли. Разговор происходил на кухне после обеда. Берта Соломоновна мыла

посуду, а Виктор Матвеевич сидел, закинув ногу на ногу, у раскрытого окна и предавался своему любимому занятию.

– А вот ты представляешь, Витюша, тебя похоронят, а потом вдруг решат открыть гроб, – вдруг говорит Берта Соломоновна. – Открывают, а ты там лежишь с пальцем в носу?!

Виктор Матвеевич поперхнулся и стал громко кашлять, а Берта Соломоновна выключила воду и села на табурет, чтобы ей удобней было хохотать и утирать тыльной стороной ладони слезы. У нее было хорошее воображение, а когда она хорошо смеялась, она плакала.

Этот разговор вспомнился им, когда они оформляли документы на похороны. В Америке это принято. Чтобы не обременять родственников. И вот в графе «особые распоряжения» они вписали, чтобы покойному вставили палец в нос. Потом, багровея от усилий, которые они предпринимали, чтобы не смеяться, супруги стали следить за реакцией работника, который у них принял заявление и деньги. Тот, дочитав до этого самого места, опешил.

– Я не понял, – сказал он. – Это как?

– Вот как написано, – сказал Виктор Матвеевич. – Так и сделайте. Как говорится, кто платит, тот заказывает музыку.

Если бы вы видели, как эти двое потом хохотали на улице, вы бы подумали, что они заказали свадьбу.

Прошли годы. В похоронном доме весь штат сменился. Новые сотрудники смотрят, а по условиям контракта доставленному к ним клиенту надо вставить палец в нос. Они думают: что делать? А там была одна Милдред, двадцати пяти лет, но большая, как платяной шкаф. Она говорит: «Ребята, будьте проще, все равно проверять некому». После чего она надела резиновые перчатки, отломала труп Виктора Матвеевича указательный палец правой руки и выполнила все дальнейшие условия контракта. А бедная Берта Соломоновна лежала в это время в соседнем женском отделении и была не в состоянии отреагировать на это безобразие. Хотя опять же, принимая во внимание ее веселый нрав, трудно сказать, какой могла быть ее реакция.

Потом прошло еще лет пятьдесят. И вдруг оказывается, что этот покойный с дурной привычкой – выдающийся писатель! Ну его как выдающегося писателя решили перезахоронить. Отвезти

тело из Нью-Йорка на родину. А он сам был из Одессы. Выкопали гроб, раскрыли, смотрят – у него палец в носу. Вот так сюрприз! Тут же прозвучала гипотеза, что он, видимо, был похоронен заживо, а когда проснулся, то сперва, скорей всего, страшно перепугался, звал на помощь, но постепенно успокоился и, чтобы отвлечься от невеселых мыслей о своем положении, занялся своим обычным делом. И за этим занятием снова умер. Потом уже, когда ткани тела истлели, рука опустилась на место, а палец так и остался – сами понимаете где. И ученые сказали: «А почему нет?».

На том и остановились, после чего известный одесский критик Эжен Кокпит заявил, что истинным автором знаменитого рассказа «Нос» является не кто иной, как Виктор Мукоройцев. А то, что официальные даты его жизни и смерти не совпадают с официальными датами жизни и смерти Гоголя, ровным счетом ничего не значит, потому что точных дат ухода из жизни двух гениев никто не знает. Действительно, кто скажет, в каком именно году Гоголь перевернулся на бок в своем гробу? Иными словами, писатель Гоголь мог быть еще жив, когда писатель Мукоройцев еще не был мертв! Вы понимаете? А если они были современниками, то авторство «Носа» – самоочевидно. Во-первых, это тема Мукоройцева. Виктор Матвеевич из нее, можно сказать, не вылезал. Что до Гоголя, то его главным образом интересовала тема смерти, нашедшая воплощение в главной поэме его жизни – о похороненных заживо. Поэма так и называлась – «Мертвые души». Хорошо бы проверить так ли это, но, как назло, ее рукопись потеряна.

Улица Гоголя

Марку Шамракову

Уезжая из Рима, Гоголь привез на родину спагетти. А ехал он через Одессу. Ну, там ему, ясное дело, тут же накрыли стол, налили сто грамм, то-се, анекдоты, в общем, все как у одесситов. Гоголь тоже развеселился и говорит:

– Хлопцы, мне ваши бычки с икрой из синеньких, конечно, нравятся, но я вам сейчас такое покажу, вы упадете.

Одесситы ему:

– Показывай!

Ну он раз им – спагетти. Те сварили их, как положено, попробовали.

– Да-а-а, – говорят, – в смысле – не-е-ет. Наши бычки все-таки получше этих веревок будут.

Гоголь обиделся и уехал к себе в Санкт-Петербург. При этом так разозлился на одесситов, что потом ни слова про них не написал. Хотел, говорят, написать, мол, так и так, чудно Черное море в районе Лузановки при тихой погоде, а потом думает: «Ага, сейчас!».

Ну это потом уже было, а тогда одесситы просыпаются – Гоголя нет. Думают: «Хорошенький гость – ни здрасьте, ни досвидания!».

Потом уже, значит, прошли годы, и они узнают: так и так, Гоголь записан группой довольно-таки неглупых людей чуть ли не в мировые знаменитости. Причем интересная новость до них доходит не как новость о Гоголе, а как о каком-то известном писателе, который ехал из Рима в Санкт-Петербург через Одессу. Они тут же поняли, что это тот тип, который их вареными веревками угощал. Да-а, такое, как говорится, не забывается! И вот теперь он известный человек и все такое.

Ну, думают, раз такое дело, то надо бы все-таки как-то увековечить факт его визита в Одессу. Скажем, улицу назвать в его честь. Любимая Одесса от этого только выиграет. Одна проблема – забыли, как этого писателя зовут. Ну что ты будешь делать! Не идти же в библиотеку и там искать его по книгам! Там знаешь сколько книг? Миллион! И хоть бы он про что-то одесское написал! Ничего подобного! Он, говорят, про Днепр пишет, а какое, посудите сами, Днепр имеет отношение к Одессе? Ну никакого! В общем, как ни напрягались, ничего про него не вспомнили, кроме этих вареных веревок, черт бы их подрал!

Короче, они посоветовались и назвали в честь этого писателя улицу. Улица Канатная.

Нью-Йорк

